Ст. Смоленскій.

ПАМЯТИ

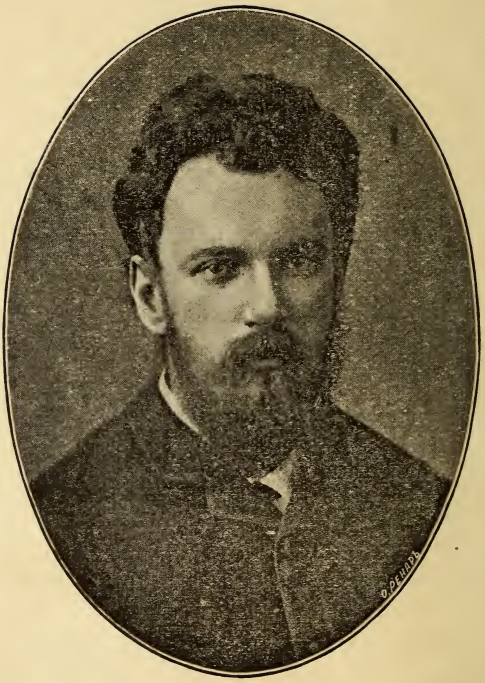
Анатолія Алексадровича

ЭРАРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи
«Русской Музыкальной Газеты».
1897.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/pamiatianatoliia008800



А. А. Эрарскій.

ПАМЯТИ
Анатолія Александровича Эрарскаго.

2-го сентября 1897 г. въ Московской Преображенской больницѣ тихо скончался даровитый и беззавѣтно преданный своему дѣлу музыкантъ-педагогъ, Анатолій Александровичъ Эрарскій. По самому порядку болѣзни и по обстановкѣ врачеванія душевно-больныхъ послѣднія минуты этаго чуднаго человѣка не могли быть облегчены участливымъ присутствіемъ его родныхъ, учениковъ и друзей. Они могли только, собравшись въ небольшомъ числѣ, скромно похоронить покойнаго въ удаленномъ углу Пятницкаго кладбища. Дальніе концы въ больницу и на кладбище, ранній часъ служ-

бы, пронизывающая дождливая и вѣтреная погода, надобность бѣжать въ школу, остановили друзей и учениковъ. Одинъ изъ друзей почтилъ свѣже-насыпанный холмъ краткою задушевною рѣчью и присутствовавшіе грустно разошлись.

Но осталось послѣ этаго бѣдняка хорошее наслѣдство русскимъ дѣтямъ и разумно работающимъ педагогамъ. Осталась живою, временно съежившаяся отъ невзгодъ, отличная мысль А. А. Эрарскаго, уже доказанная опытомъ, блестяще осуществленная беззавѣтными трудами покойнаго, — мысль свѣжая, проникнутая умомъ, знаніемъ и самою сущею любовью къ дѣтямъ. Въ память покойнаго и въ утвержденіе его мысли излагается все нижеслѣдующее, чтобы найти талантливыхъ людей, которые бы взялись продолжать дѣло покойнаго А. А. Эрарскаго,— чтобы найти начальствующихъ педагоговъ, которые поддержали бы это дѣло, начавшееся въ Россіи, и тѣмъ не дали бы другимъ предвосхитить его.

Дѣло это—„Дѣтскій оркестръ Анатолія Александровича Эрарскаго“—т. е. способъ массоваго музыкальнаго *воспитанія* дѣтей

въ школахъ съ помощью совершенно легкаго обученія, свободной дисциплины и съ помощью знакомства съ истинно-изящными музыкальными произведеніями. Ребенокъ, воспитанный по этому способу, не проходя одуряющее мытарство „корень ученія горекъ“, остается все время веселымъ и наслаждающимся, проникается любовью къ своимъ занятіямъ и дѣлается разумно понимающимъ музыкальное искусство. Ребенокъ этотъ у Эрарскаго не понимаетъ огорченія въ трудѣ, не знаетъ насилія надъ своей волей, не знаетъ оскорбленія своей личности;—онъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, не подозрѣвая того, что связанъ волею учителя въ каждой своей мысли и въ каждомъ движеніи; — онъ самъ изощряется въ изящномъ и разумномъ, только и думая объ общемъ интересѣ, который для него доступенъ во всѣхъ подробностяхъ;—онъ, выростая въ юношу, такъ и остается удивленнымъ передъ глубиною музыкальнаго искусства, способнымъ чисто насладиться имъ, неподозрѣвая, что дисциплина и твердо воспринятыя знанія уже воспитали его къ дальнѣйшему усвоенію, несравненно лучше всякихъ другихъ учив-

шихся на фортепьяно или скрипкѣ. Этому ребенку досталось все не большимъ трудомъ, но шутя, рядомъ удовольствій, безъ помѣхи латинскимъ вокабуламъ, безъ пальцеломнаго Шмидта, или Ганона... Правда, онъ не играетъ такъ бойко на фортепьяно, какъ другой, но за то другой не насладится такъ, какъ наслаждается каждый ученикъ Эрарскаго.

Съ другой стороны пишущій эти строки принадлежитъ къ числу осмѣливающихся вполнѣ отрицать значеніе и пользу той музыки, которую вводятъ въ школы въ видѣ т. наз. военныхъ и „бальныхъ“ оркестровъ, дѣятельность которыхъ зачастую сводится къ исполненію какихъ-либо „попури“, „фантазій“ на торжественномъ актѣ, къ игрѣ марша во время „военной прогулки“, или, что хуже всего, къ исполненію на показъ при пріемѣ почетныхъ посѣтителей всякой дребедени, иногда даже сущей пошлости. Вреднѣе всего въ этихъ занятіяхъ то, что ученикъ, не учась, собственно говоря, ничему путному, часто, въ благодарность начальства за понесенные имъ труды, избавляется отъ какихъ-либо особо-нелюбимыхъ имъ занятій, раз-

слабляется снисхожденіемъ въ чемъ-либо, подбадривается какими-либо поблажками, подачками и т. п. На дѣлѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ученикъ, едва выучившійся взять въ руки какой-либо инструментъ, прямо приступаетъ къ изученію партіи какого-нибудь марша, или вальса, ибо та пьеса прямо надобна для училища. Я самъ видѣлъ квартетъ лучшихъ учениковъ такого оркестра, считавшагося образцовымъ. Всѣ 4 мальчика настолько любили музыку съ дѣтства, что взяли съ собою на вакацію флейту, кларнетъ, альтъ-горнъ и геликонъ. Но играли они только самыя невѣроятныя пошлости, вродѣ „Пары гнѣдыхъ", „Стрѣлочка", „Кузнеца" и т. п. Всего обиднѣе было то, что эти четыре друга наслаждались своимъ репертуаромъ вполнѣ искренно, что они не знали что̀ значитъ мажоръ, миноръ, кварта, 6/8, crescendo и т. п., что они не могли начать вальсъ иначе, какъ проговоривъ: „три, четыре"... Они наслаждались, припоминая, какъ одинъ мальчикъ умышленно вралъ при показномъ исполненіи, какъ они осмѣивали за глаза своего учителя, директора и посѣтителей. Они проклинали всѣ эти „прогулки",

„встрѣчи“. Они-же, ставъ юношами, совершенно бросили музыку и нынѣ любятъ посѣщать только оперетку... Эрарскому также пришлось увидать такихъ юношей. Чуткій умъ покойнаго художника-педагога замѣтилъ весь жестокій вредъ такой музыки въ школѣ и потому Э—й задумался о возможности приносить оркестромъ же пользу нашимъ дѣтямъ, воспитывая въ нихъ чувство настоящей дисциплины и любви къ истинно-изящному, приготовляя въ ребенкѣ не пособника къ исполненію чего-либо показного, не неблагодарнаго ученика, а человѣка, способнаго насладиться чистымъ искусствомъ. Эрарскій понялъ, что можно выучить каждаго очень немногому технически и, складывая такихъ малыхъ, дать имъ хорошее знаніе и вкоренить любовь и интересъ къ искусству на всю жизнь. Эрарскій понялъ, что для достиженія этой цѣли надо дать дѣтямъ новые инструменты, легкіе, безвредные и хорошіе сами по себѣ;—что тѣхъ же дѣтей надо занять не какою-либо дребеденью, а дѣйствительно изящными сочиненіями;—что жизненная и строгая дисциплина въ оркестрѣ должна быть установлена не извнѣ, а из-

нутри, самими дѣтьми, ихъ уваженіемъ къ своимъ занятіямъ, и, затѣмъ, только служеніемъ чистому искусству. Такъ-какъ „дѣтскій оркестръ“ основанный Эрарскимъ и усовершенствованный въ своемъ составѣ изобрѣтенными имъ же инструментами, твердо уставленъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ своеобразной инструментовки и остался послѣ Эрарскаго въ видѣ, вполнѣ законченномъ для художниковъ и поучительномъ для педагоговъ, то придется признать, что покойный завершилъ свое дѣло вполнѣ, т. е., придя къ хорошей мысли, осуществилъ ее, доказалъ ее и оставилъ намъ возможность пользоваться его мыслью на благо нашихъ дѣтей.

Эрарскій, дѣйствительно, сдѣлалъ въ области школьнаго обученія музыкѣ огромный шагъ впередъ. Обдумавъ свою мысль, Эрарскій фанатически увѣровалъ въ значеніе „дѣтскаго оркестра“ и не задумался до самозабвенія отдать всего себя этому дѣлу. Чествуя и благодарно поминая дѣятельность покойнаго, мы сообщаемъ здѣсь лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о „дѣтскомъ оркестрѣ“ и его основателѣ, обязуясь подробно сообщить все надобное всѣмъ

тѣмъ, которые заинтересуются этимъ дѣломъ и почувствуютъ желаніе и способность насладиться и принести пользу дѣтямъ, идя по дорогѣ указанной А. А. Эрарскимъ.

Анатолій Александровичъ Эрарскій скончался 47 лѣтъ, т. е. въ возрастѣ полнаго расцвѣта силъ у другихъ людей. Силы эти были и у него, но онъ надорвалъ ихъ тяжкою борьбою съ жизнью и беззавѣтнымъ трудомъ надъ любимымъ дѣломъ.

Если не особенно весело и зажиточно было дѣтство А. А. въ глухомъ Острогожскѣ, то юношество и первая молодость его были подъ часъ истинно жестоки. Учась на гроши, Эрарскій выбился на дорогу только силою своей воли, силою своего таланта, поздно разцвѣлъ и скоро угасъ подъ тяжестью труда, добровольно взятаго на себя во имя своей мысли. Человѣкъ этотъ въ полномъ смыслѣ „положилъ душу свою за други своя“. Друзья его—дѣти. Они живо чувствовали душевную красоту своего учителя и крѣпко любили Эрарскаго.

Живо представляю себѣ молодого Эрарскаго въ самый тяжелый періодъ его жиз-

ни: онъ горитъ жаждой свѣта и ученья; онъ бросаетъ родной Острогожскъ и *пѣшкомъ* идетъ въ Москву... жестокая нужда осиливаетъ и Эрарскій попадаетъ по пути чуть не рабочимъ на какой-то кожевенный заводъ. Цѣлый годъ копитъ бѣдняга свои гроши, наконецъ вырывается изъ Воронежской губерніи.

Въ Москвѣ, благодаря родственнымъ связямъ, онъ дѣлается какимъ то малымъ чиномъ въ фотографіи, чѣмъ то немного выше прислуги, съ ѣдою въ застольной, съ квартирой чуть не въ дворницкой... Но въ Москвѣ уже находятся люди надобные Эрарскому, люди болѣе чуткіе умомъ и сердцемъ, способные внимательно подумать о настойчивомъ юношѣ, и Эрарскій, уже успѣвшій довести себя въ свободные часы до искусства тапера и настройщика фортепьяно, вырывается изъ омута горькой нужды и ненадобной траты силъ. Деньжонокъ у него прибавилось, перепадали даже дни большихъ для него заработковъ; но скоро и тутъ чуть не пропалъ онъ... Спасли его въ это время добрые люди и богатѣйшій запасъ его душевныхъ силъ... Вскорѣ Эрарскій устанавливается

на хорошую, сподручную ему дорогу; онъ начинаетъ безъ устали учиться и работать, находитъ себѣ друзей, женится и въ первый, кажется, разъ въ жизни постигаетъ сладость хорошо вознагражденнаго труда и наслажденія искусствомъ, нынѣ ему уже вполнѣ доступномъ. Эрарскій — уже ученикъ извѣстныхъ и до нынѣ здравствующихъ Юрія Карловича Арнольда и Александра Ивановича Дюбюка; его узналъ и приласкалъ незабвенный Николай Рубинштейнъ и онъ уже свой человѣкъ въ лучшемъ музыкальномъ кругу Москвы. Въ это время Эрарскій перестаетъ настраивать „флигели“ и „роялино“, перестаетъ играть чуть не до утра вальсы и кадрили, и дѣлается учителемъ музыки и аккомпаньяторомъ пѣвцовъ. Въ это время онъ учится особенно усердно, расширяетъ свое знакомство съ музыкальной литературой, многое слушаетъ, вырабатываетъ свой удивительно тонкій вкусъ къ изящному, крѣпнетъ умственно и совершенно устанавливается. Въ это же время онъ ближе вглядывается въ дѣтскую натуру. Не имѣя своихъ дѣтей, А. А. переноситъ нѣжное чувство отца на своихъ учениковъ и дѣ-

лается однимъ изъ тѣхъ учителей, которыхъ дѣти встрѣчаютъ только съ радостью. Въ самые зрѣлые годы этой любви умъ Эрарскаго сталкивается съ мыслью о „дѣтскомъ оркестрѣ“. Случайное предложеніе устроить въ одной семьѣ исполненіе извѣстныхъ дѣтскихъ симфоній Гайдна и Ромберга наводитъ жену А. А., Клавдію Николаевну Эрарскую, на мысль о возможности усилить арсеналъ дѣтскихъ побрякушекъ *) такими инструментами, которые были бы способны къ мелодическому употребленію. А. А. крѣпко ухватился за мысль своей жены (также музыкантши и притомъ учившейся) и оба супруга настойчиво заработали. Вскорѣ оказалась возможность производить новые вполнѣ своеобразные музыкальные эффекты, пользуясь многими готовыми инструментами изъ игрушечныхъ лавокъ. Трезвый умъ А. А. заставилъ начать занятія вполнѣ серьезно, съ здраво понятыми средствами и задачами такого оркестра и съ опредѣленными взглядами на способъ занятій съ дѣтьми. Всякая мысль о какой-либо „забавѣ“ дѣтей, о

*) Кукушка, перепелъ, трещотка и пр.

какомъ-либо принужденіи, о чемъ-либо показномъ и фальшиво-кричащемъ была отброшена и дѣло было сразу вооружено совершенною доступностью и интересомъ занятій для дѣтскихъ умишекъ, полнѣйшею свободою дѣтей, любовью и самою идиллическою простотою отношеній всѣхъ участвовавшихъ между собою. Маленькіе музыканты сразу догадались въ чемъ лежитъ сила ихъ занятій. Они заработали дружно, радостно, скоро уставили у себя истинно-образцовые порядки и скоро начали дорожить своимъ дѣломъ. Такъ-какъ усердіе дѣтей и интересъ ихъ занятій были очевидны, а успѣхи оркестра быстры и дѣловиты, то А. А. скоро самъ утвердился въ угаданной мысли. Педагогическій тактъ Эрарскаго крѣпко сплотилъ дѣло и дѣтскій оркестръ въ первую же зиму былъ показанъ, именно съ этой стороны, немногочисленной, но музыкально-компетентной публикѣ. Единодушное одобреніе и сочувствіе было отвѣтомъ на труды А. А. и съ этого дня онъ увѣровалъ въ значеніе своего дѣла. Онъ пустилъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, все свое неутомимое прилежаніе, не спалъ ночи за чертежами

придумываемыхъ инструментовъ, писалъ свои партитуры и въ этихъ трудахъ беззавѣтно полюбилъ свой дѣтскій оркестръ. Дѣло Эрарскаго окрѣпло именно въ это время, развиваясь затѣмъ вполнѣ спокойно, естественно, живо и разсудительно.

Фотографическая группа дѣтскаго оркестра, снятая весною 1888 года, показываетъ весь составъ инструментовъ и наглядно рисуетъ силы оркестра, въ то время только что еще установившагося. Въ немъ слабы смычки, доминируетъ фортепьяно, есть инструменты послѣ оставленные, напр. маленькія дудочки вродѣ гобоя, папагена, и т. п., совсѣмъ нѣтъ віолончеля, контрбаса. Звучность такого оркестра, конечно, была слаба, мало колоритна и не могла удовлетворять тонкій вкусъ Эрарскаго. Оркестръ производилъ впечатлѣніе лишь своею миловидною оригинальностью; — чувствовалось что то очень хорошее, изящное и способное къ развитію, но сдѣланное лишь на половину.

Я познакомился съ дѣтскимъ оркестромъ въ 1889 г., когда занятія происходили въ чердачкѣ квартиры московскаго Общества искусствъ и литературы, на Тверской,

близь памятника Пушкина. Я полюбилъ Эрарскаго въ это же первое свиданіе. Мнѣ понравился идиллическій строй всей картины, ласковое обращеніе съ дѣтьми, невозмутимое терпѣніе А. А. и крайне оригинальная и изящная инструментовка слышанныхъ мною піесокъ. Дисциплина дѣтскаго оркестра прямо говорила за себя, а очаровательныя глазенки одушевленныхъ дѣтей и симпатичная фигура самаго А. А. невольно расположили меня къ этому очевидно полезному дѣлу. Всѣ эти Юрочки, Сонички представляли картинку дѣйствительно увлекательную: они весело играли, серьезно считали по пальцамъ паузы, внимательно слѣдили за ансамблемъ и очевидно наслаждались. Дружба ихъ съ А. А. сквозила въ каждомъ взглядѣ.

Не довѣряя первому впечатлѣнію, я далъ себѣ трудъ ближе вникнуть во всѣ подробности дѣтскаго оркестра и вглядѣться въ самаго А. А. Эрарскаго. Первыя оказались, конечно, доступными очень скоро, потому что инструменты были просты, репертуаръ—совсѣмъ ужъ немудреный, а дисциплина—очевидна. Гораздо болѣе дичился скромный дирижеръ, какъ бы не

довѣрявшій моимъ симпатіямъ его дѣлу. Онъ велъ себя такъ, что мнѣ не представлялось случая увидать его въ чемъ либо другомъ, кромѣ управленія его малышами. Только черезъ годъ А. А., увлекшись въ разговорѣ, сѣлъ при мнѣ за фортепьяно и чрезвычайно комично сыгралъ какую то бравурную пьесу въ томъ безцвѣтномъ и глупомъ исполненіи, какое дается т. н. механическими пьянино; загѣмъ, развеселившись, А. А. сыгралъ облѣпившимъ его дѣтямъ прелестный вальсъ-загадку, въ которомъ басы медленно и смѣшно тянули мелодію „Чижика", совершенно безотносительно къ вальсу. Эти два примѣра и слышанный мною умный и ловкій аккомпаниментъ А. А. убѣдили меня въ отличномъ знаніи имъ фортепьяно. Дальнѣйшая наша бесѣда настолько выяснила мнѣ весь кругъ его мыслей о музыкальномъ воспитаніи дѣтей, удивительныхъ по задушевности и трезвости, что я тутъ же предложилъ ему перекочевать съ своимъ оркестромъ на Никитскую, въ Синодальное училище. Оффиціальнымъ къ тому предлогомъ было одновременное приглашеніе мною А. А. въ число преподавателей игры

на фортепьяно, на словахъ же были предложены для дѣтскаго оркестра всякія удобства, отличный залъ и какое угодно количество смычковъ, отъ скрипачей до контрабасистовъ включительно, такъ какъ смычковый оркестръ уже былъ заведенъ мною въ училищѣ. Это было весною 1891 г. Осенью оркестръ А. А. уже имѣлъ по 8 скрипокъ на сторонѣ, 6 альтовъ, 4 віолончеля и 2 контрабаса, вполнѣ естественно низведшихъ доминировавшее до тѣхъ поръ фортепьяно на степень арфы и вызвавшихъ настоятельную уже надобность изобрѣсти болѣе звучные духовые инструменты. „*Дудофонъ*“, т. е. инструментъ, превосходно замѣнявшій флейту-пикколо, былъ сдѣланъ ранѣе. Быстро затѣмъ появились въ серединѣ сезона 1891—92 г. „*дудофонъ* 2-й“, т. е. большая флейта, а осенью 92 г. „*кларинофоны*“ 1-й и 2-й, т. е. кларнетъ и фаготъ, затѣмъ особая цитра съ хроматической клавіатурою и педальками для арпеджіо во всѣхъ тонахъ; — къ фортепьяно, обладавшему глухою педалью съ сукномъ, придѣлали новую педаль, превращавшую этотъ инструментъ въ мандолину; — пріобрѣтены были „на-

стоящія" маленькія кавалерійскія литавры; придуманы складныя мѣдныя трубы, дававшія звукъ несравненно болѣе сильный и прямо пахнувшій мѣдью; сложившіеся между собою дѣти поднесли А. А. дѣтскій контрбасъ, большой барабанъ; самъ А. А. сдѣлалъ прелестнаго густого звона металлофонъ — словомъ оркестръ совершенно преобразился въ своей звучности и сталъ давать возможность всякихъ сочетаній, нисколько не уступавшихъ обыкновенному (кромѣ сильной мѣди) оркестру средней величины. Число учениковъ А. А. возросло до 55 — 60 человѣкъ и жизнь закипѣла въ этомъ оркестрѣ съ небывалою до того силою. Увлеченіе дѣтей и новыя средства оркестра подняли самаго А. А. и онъ заработалъ для своего дѣтища съ удвоенною энергіею. Чуть не къ каждому собранію изготовлялось имъ по новой партитурѣ съ явными шагами впередъ въ искусствѣ этой своеобразной инструментовки. Объ оркестрѣ заговорили. Его пришли послушать такіе авторитеты, какъ Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Танѣевъ, Аренскій, Направникъ и мн. др. Всѣ они, конечно, сразу и вѣрно оцѣнили дѣтскій оркестръ

и тѣмъ создали для Эрарскаго счастливѣйшую пору его жизни. Дѣйствительно, этотъ оркестръ, игралъ дружно, тонко—отчетливо, и производилъ превосходное впечатлѣніе, вполнѣ оригинальное и чрезвычайно симпатичное. Дисциплина и внутренній миръ юныхъ музыкантовъ были прямо удивительны. Пьески, одна другой интереснѣе, посыпались на оркестръ въ самой изящной инструментовкѣ воодушевившагося Эрарскаго. С. И. Танѣевъ сочинилъ, инструментовалъ и самъ прорепетировалъ цѣлую симфонію для дѣтскаго оркестра; А. С. Аренскій посвятилъ оркестру свою „Сказку", „Вальсъ" и фугу „Журавель", А. Н. Корещенко—6 маленькихъ изящныхъ вещицъ. Въ репертуарѣ оркестра заблестѣли имена Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи, Бородина, Мусоргскаго, Лядова и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ. Словомъ оркестръ развернулся во всю ширь, зажилъ цвѣтуще, весело, изящно, а дирижеръ этого идиллическаго мірка былъ на седьмомъ небѣ.

Всѣ эти успѣхи заставили А. А. вновь задуматься надъ увеличеніемъ разнообра-

зія дѣтскихъ оркестровыхъ инструментовъ. Болѣе полсотни сдѣланныхъ имъ въ это время арранжировокъ до того изощрили его вкусъ и требовательность, что недостатокъ сильнаго звука мѣди сталъ уже стѣснять его и потому всѣ его мысли направились на устройство дѣтской валторны и тромбона. Вновь пошли чертежи, опыты — волненія, подобныя пережитымъ при устройствѣ дудофоновъ, кларинофоновъ и составныхъ трубъ. Однажды мы перепробовали всевозможныя комбинаціи язычковыхъ голосовъ съ мѣдными трубками и раструбами. Наконецъ одинъ звукъ удался удивительно хорошо. Съ этого момента было рѣшено устройство тромбона, сдѣланнаго къ веснѣ 1894 г. Но инструментъ оказался только ревущимъ безъ толку и довольно тяжелымъ въ педаляхъ, громоздкимъ и некрасивымъ по своей фигурѣ. Пришлось бросить всѣ деньги, разобрать инструментъ и совершенно передѣлать его,—но А. А. уже не дождался послѣдняго своего изобрѣтенія.

Сущность изобрѣтенныхъ Эрарскимъ инструментовъ для дѣтскаго оркестра очень проста. Это суть простыя фисъ-гармоніи,

къ которымъ для каждаго клавиша придѣлана резонирующая металлическая трубка того или иного типа. Стоили эти инструменты огромныхъ для Эрарскаго денегъ и еще большихъ волненій, хлопотъ, бѣготни и множества предварительныхъ изысканій. Въ Москвѣ нашелся только одинъ мастеръ способный мыслить, идти впередъ, работать выдумку и даже помогать изобрѣтателю въ болѣе удобномъ устройствѣ разныхъ мелочей инструмента. Долго самолюбивый мастеръ даже ссорился съ нервно-нетерпѣливымъ изобрѣтателемъ, пока не понялъ беззавѣтную любовь А. А. къ своему оркестру. Неудачи отъ недостатка точнаго знанія нами акустики были безпрестанны. Часто А. А. прибѣгалъ ко мнѣ отъ мастера въ такомъ неописуемомъ горѣ и отчаяніи, что невольно представлялось съ перваго раза какое нибудь несчастіе. Черезъ минуту оказывалось, однако, что какая нибудь дудка поетъ не по нашему и никакъ не удается привести ее къ желаемому тембру. Да! нелегко было Эрарскому устраивать всѣ эти дудофоны и кларинофоны! Непонятная зависимость отношеній качества звучащаго язычка съ качествомъ

трубы часто ставила всѣхъ въ сущій тупикъ. Превосходно звучавшая трубка напр. въ звукѣ *соль*, совершенно удачно воспроизведенная при соотвѣтственныхъ приспособленіяхъ для *ля*, *си*, *до* и др. съ ихъ хроматизмами, вдругъ отказывалась гудѣть, или „подносила свинью“ въ такой степени, что хоть бросай весь инструментъ. Въ дни такихъ неудачъ Эрарскій былъ истинно несчастенъ. Ему вспоминалось все хотя бы призрачно-неблагопріятное его дѣлу; ему казались „интриганами“, „подставляющими ножку“ и пр. даже самые искренніе его друзья; даже такіе люди, которыхъ онъ самъ горячо любилъ и почиталъ, давали ему поводъ къ самымъ горькимъ и, конечно, совершенно неправдоподобнымъ жалобамъ и надобно было много усилій и увѣщаній, чтобы убѣдить и успокоить Эрарскаго въ эти тяжкіе для него дни. Но особенно мучили его неудавшіеся и дорогіе предварительные опыты, при которыхъ вытягивали у него деньги тѣ мастера, которые нисколько не увлекались идеей дѣтскаго оркестра, не хотѣли ждать уплаты, а равнодушно высчитывали число проведенныхъ часовъ за

работой, оказавшейся ни на что ненадобной. Хуже всего были мастера, неумѣло перехитрившіе въ желаніи угодить Эрарскому и портившіе и безъ того дорогіе первоначальные опыты. Одинъ мастеръ, очень хорошо сдѣлавшій трубу вродѣ альтъ-горна и неосторожно перестроившій ее по своему, такъ огорчилъ А. А., что труба эта нетолько осталась у мастера, но даже и затормозила всѣ работы по изобрѣтенію дѣтскихъ мѣдныхъ инструментовъ.

Тѣмъ не менѣе главные инструменты были сдѣланы очень удачно и давали оркестру возможность красивыхъ комбинацій. Особенно хороши были флейта и фаготъ (2-й дудофонъ и 2-й кларинофонъ). Послѣдній имѣлъ даже столь „подлый" звукъ въ верхнемъ регистрѣ и бархатно-мягкій въ нижнемъ, что производилъ полную иллюзію. 1-я мелодиста (т. е. маленькая народная фисъ-гармоника) такъ хорошо обыгралась, что ввела въ сомнѣніе даже П. И. Чайковскаго, не хотѣвшаго повѣрить, что въ слышимомъ имъ исполненіи не участвуетъ настоящій гобой. 26 апрѣля 1892 года незабвенный композиторъ съ

самымъ очевиднымъ удовольствіемъ слушалъ оркестръ, удивился богатству своей „Humoresque“ въ инструментовкѣ Эрарскаго, самъ перепробовалъ всѣ инструменты и обласкалъ всѣхъ такъ, какъ могъ обласкать только добрый и чуткій Петръ Ильичъ. Этотъ день былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ счастливыхъ для Эрарскаго. Почти черезъ годъ А. А. еще имѣлъ такихъ два дня, встрѣчая Н. А. Римскаго-Корсакова и затѣмъ (28 февраля 1893 г.) вновь П. И. Чайковскаго, прибывшаго съ А. Ф. Направникомъ, С. И. Танѣевымъ и друг. Оркестръ игралъ въ присутствіи такихъ гостей такъ изящно и дружно, какъ никогда прежде. Нѣсколько пьесокъ оркестръ исполнилъ даже безъ дирижированія А. А. и тѣмъ ясно показалъ гостямъ привычку къ своему ансамблю. Слушатели были въ полномъ восторгѣ.

Излишне говорить, что такихъ слушателей можно было увлечь и обратить въ свою вѣру только истиннымъ художествомъ и очевидными достоинствами дѣла. И дѣйствительно, Эрарскій инструментовалъ для своего оркестра вполнѣ мастерски. Чтобы судить сколько горизонтовъ обнимало его

знаніе и чувство, достаточно упомянуть, что въ репертуарѣ дѣтскаго оркестра красовались превосходныя иллюстраціи отъ органной G-moll фуги Баха, вещей Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шопена, Шумана до изящныхъ миніатюръ Грига и нашей „могучей кучки“. По уцѣлѣвшимъ программамъ концертовъ дѣтскаго оркестра можно судить, памятуя и изящное исполненіе, сколько картинокъ было дано дѣтямъ и съ какимъ глубокимъ тактомъ воспитывалъ Эрарскій своихъ учениковъ. Вообще, для избѣжанія сравненій, А. А. не игралъ оркестровыхъ композицій, а ограничивался лишь фортепьянными сочиненіями, инструментуя ихъ иногда очень прихотливо. Сочувствовавшій всему талантливому, А. А., молившійся на классиковъ, не могъ не быть горячимъ поклонникомъ новой русской школы и оттого программы его концертовъ были всегда серьезны, живы и интересны. Потому же въ тѣхъ концертахъ каждый № обыкновенно повторялся по два и три раза. Изящныя миніатюры, напримѣръ „Humoresque“—Чайковскаго, „Маленькая война“, „Христосъ воскресъ“—Кюи, „Въ монастырѣ“, „Полька“—Бородина, „Колы-

бельная"—Римскаго-Корсакова, „Сказка", „Журавель"—Аренскаго, „Жалоба"—Корещенко и мн. др. прямо выигрывали отъ инструментовки А. А.; собственныя его сочиненія напр. „Грибъ-боровикъ", „Кукушка", „Японская сказка" были инструментованы прямо превосходно.

Слушатели такихъ концертовъ Эрарскаго, наслаждавшіеся изящною музыкою, не менѣе получали удовольствіе и отъ того, что ясно понимали всю силу руководящихъ идей, вложенныхъ Эрарскимъ въ дѣло дѣтскаго оркестра, и всю пользу для дѣтей ихъ оркестровыхъ занятій. Образцовая дисциплина не носила характеръ запуганной выправки, и мертвящей рутины; не было и показной мишуры. Дѣти оставались дѣтьми, дѣлались лишь чуткими къ прекрасному, полными уваженія къ своимъ занятіямъ и оттого совершенно старательными, деликатными, вполнѣ откровенными и веселыми. Никогда въ оркестрѣ Эрарскаго не было какихъ либо грубыхъ нарушеній приличія, дерзости, досады и т. п. Дѣти дисциплинировали сами себя строже всякихъ воздѣйствій извнѣ, и создали ту идиллію, которая такъ естественна въ ихъ

дружескомъ кругу и такъ симпатична всѣмъ взрослымъ. Въ способѣ довести дѣтей до такой идилліи и въ тоже время серьезно учить ихъ — вся суть заслуги Эрарскаго, какъ педагога. Способъ этотъ и мудренъ и простъ. Онъ состоитъ въ безкорыстной и беззавѣтной къ дѣтямъ и къ дѣлу, въ довѣріи дѣтямъ и уваженіи ихъ личности, въ умѣньи дать дѣтямъ именно то и именно такъ, какъ то требуется дѣтскими натурами. Эрарскій вполнѣ владѣлъ этимъ способомъ музыкальнаго воспитанія. Онъ тонко понялъ и горячо полюбилъ дѣтей а оттого достигалъ удивительныхъ результатовъ.

Въ самый расцвѣтъ дѣятельности дѣтскаго оркестра никто не могъ представить себѣ, что уже нашла страшная туча надъ головой А. А... Одинъ опытный врачъ первый разгадалъ ея приближеніе еще тогда, когда больной началъ лишь легче раздражаться и, повидимому, не давалъ никакихъ поводовъ думать, что для больного уже нѣтъ спасенія отъ жестокаго и смертельнаго недуга. Вскорѣ послѣ того характерныя явленія начавшагося прогрессивнаго паралича стали быстро слѣдовать одно за

другимъ. Переходы отъ благодушія къ гнѣву стали крайне рѣзки, а ревнивое отношеніе къ оркестру и подозрительность возросли прямо до болѣзненности. Въ мартѣ 1895 г. были первыя апоплексіи, грозно подтвердившія то, чему никто не хотѣлъ вѣрить. 9 апрѣля 1895 г. состоялся послѣдній концертъ, лебединая пѣснь дѣтскаго оркестра Эрарскаго, но подъ управленіемъ проф. М. М. Ипполитова-Иванова, такъ какъ А. А. уже не могъ работать. Онъ рвался изъ дому послушать свой оркестръ въ послѣдній разъ... Скорбно протекло затѣмъ почти 1½ года въ разныхъ больницахъ, пока положеніе А. А. не оказалось настолько безнадежно въ умственномъ отношеніи, что обыкновенный надзоръ сталъ недостаточнымъ и больной былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу. Здѣсь я видѣлъ его въ послѣдній разъ 4-го февраля 1897 года въ минуту просвѣтленія его мыслей. Онъ говорилъ много и только о миломъ ему оркестрѣ, показывая чертежи какихъ то инструментовъ. Вдругъ къ моему ужасу я услыхалъ, что Сарасате обѣщался играть у него 2-ю скрипку, а князь NN арранжировалъ

уже для дѣтскаго оркестра Персидскія пѣсни А. Рубинштейна... Больной, очевидно, перемѣшалъ свой послѣдній трудъ съ мыслью о вниманіи къ его дѣлу одного лица.

Послѣ этого я увидалъ Эрарскаго 3-го сентября, но уже въ часовнѣ Преображенской больницы. 5 сентября неузнаваемо-изстрадавшееся тѣло было предано сырой землѣ. Оплаканный немногими стоявшими у его могилы, покойный Эрарскій все же остался живъ духомъ у всѣхъ знавшихъ этого чуднаго человѣка и у всѣхъ вѣрящихъ въ силу его мысли, въ надобность продолженія его полезнаго дѣла. Трудно было проложить Эрарскому первую дорожку, за то и насладился же онъ отъ трудовъ своихъ. Нынѣ не надобны уже исканія для устройства дѣтскаго оркестра въ школѣ, такъ какъ покойный сдѣлалъ все для того надобное. Такіе оркестры дешевле и умнѣе другихъ нынѣ существующихъ. Если дѣти, выученные по способу Эрарскаго и не будутъ впослѣдствіи хорошими фортепьянистами или скрипачами (ибо не всѣмъ же быть ими, да и нынѣ существующіе лучшіе школьные оркестры отнюдь

не даютъ будущихъ исполнителей), то все таки эти ученики будутъ музыкантами, умѣющими слушать хорошую музыку, наслаждаться ею и оградить себя тѣмъ отъ очень и очень многаго нежелательнаго въ благовоспитанномъ человѣкѣ. Анатолій Александровичъ Эрарскій ставилъ именно это конечною цѣлью занятій оркестра въ школѣ и, конечно, вѣрно указалъ путь къ достиженію такой чисто-воспитательной цѣли. Разумность пути и цѣли очевидны сами собою. То и другое сулятъ умному педагогу много неожиданныхъ для него наслажденій и какъ много принесли бы пользы нашимъ дѣтямъ тѣ педагоги, которые вздумали бы насладиться радостями покойнаго Эрарскаго!

Ст. Смоленскій.

Дозволено цензурою. 1 Декабря 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія Ю. Штауфа. Кузнечный пер., № 18.